

УДК 821.161.1.0

ОСМЫСЛЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА КРИСТОФЕРА МАРЛО В СОВЕТСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ 1970 – 1980-Х ГГ.

Рябова А.А., Жаткин Д.Н.

ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный технологический университет», Пенза,
e-mail: ivb40@yandex.ru

В статье, продолжающей цикл работ авторов, посвященных осмыслению творчества Кристофера Марло русскими поэтами, переводчиками, литературными критиками и литературоведами, затронуты вопросы восприятия марловского наследия ведущими отечественными учеными-филологами 1970 – 1980-х гг. Н.И. Балашовым, Ю.М. Лотманом, Б.И. Пуришевым, Н.П. Михальской и др. Отмечается интерес исследователей к проблеме освобождения литературного героя от ренессансной исключительности личности и власти над ним фантастических сил, к сквозному характеру образа Фауста, значимого для разных эпох, к утопизму трагедий Марло, к вопросам соотносительности с марловским творчеством позднейших произведений Джорджа Чапмена и Бена Джонсона. Проведенный анализ позволил установить единообразие и взаимодополняемость толкований специфики произведений Марло в статьях различных авторов (в частности, Б.И. Пуришева, М.В. и Д.М. Урновых, Р.М. Самарина), вошедших в многотомную «Историю всемирной литературы».

Ключевые слова: Кристофер Марло, русско-английские литературные и историко-культурные связи, межкультурная коммуникация, традиция, компаративистика, художественная деталь

CHRISTOPHER MARLOWE'S CREATIVE WORK UNDERSTANDING IN SOVIET LITERATURE STUDY OF THE 1970 – 1980-S

Ryabova A.A., Zhatkin D.N.

Penza State Technological University, Penza, e-mail: ivb40@yandex.ru

The article continues the cycle of works devoted to Christopher Marlowe's creative work understanding by Russian poets, translators, literary critics and scholars, concerns the questions of Marlowe's heritage understanding by leading Russian scientists-philologists of the 1970 – 1980-s N.I. Balashov, Yu.M. Lotman, B.I. Purishev, N.P. Mikhalskaya and others. It notes the researchers' interest to the problem of literary character's absolution from Renaissance exceptionality of the personality and dominion of fantastic powers over him, to the open-ended character of Faustus image, significant for different epochs, to utopianism of Marlowe's tragedies, to the questions of correlation between Marlowe's creative work and the latest works of George Chapman and Ben Johnson. The analysis allowed to find out uniformity and complementarity in interpretation of Marlowe's works peculiarities in the articles of different authors (in particular, of B.I. Purishev, M.V. and D.M. Urnovs, R.M. Samarin), included in many-volumed «History of the World Literature».

Keywords: Chistopher Marlowe, Russian-English literature, historical and cultural relations, intercultural communication, tradition, comparative study, literature detail

Проблемы восприятия творчества Кристофера Марло русскими поэтами, литературными критиками и литературоведами XIX – начала XXI вв. были осмыслены нами в статьях прежних лет применительно к деятельности С.Ф. Уварова [12, с. 20–22], Н.И. Стороженко [13, с. 79–87], Н.В. Гербея [5, с. 58–60], К.Д. Бальмонта, М.А. Волошина, С.С. Розанова и В.К. Мюллера [10, с. 226–234], А.К. Дживелегова [18, с. 206–214], М.М. Морозова и А.А. Смирнова [15, с. 72–80], Г.М. Козинцева [14, с. 222–224], А.Т. Парфенова [16, с. 150–161], А.А. Аникста [11, с. 359–362], современных исследователей [17, с. 91–98]. В настоящей статье осмысливаются затрагивающие творчество Кристофера Марло публикации 1970 – 1980-х гг., осуществленные известными отечественными литературоведами Н.И. Балашовым, Ю.М. Лотманом, Н.П. Михальской, Б.И. Пуришевым и др.

В учебнике Г.В. Аникина и Н.П. Михальской «История английской литерату-

ры», первое издание которого увидело свет в 1975 г. [см.: 1], а второе – в 1985 г. [см.: 2], наряду с традиционными суждениями о Марло как драматурге, подготовившем, вместе с Р.Грином и Т. Кидом, появление Шекспира [см.: 2, с. 5], содержался и ряд интересных наблюдений. В частности, появление белого стиха в английской поэзии было соотнесено не с творчеством Марло, а с литературной деятельностью Генри Сарри, переведшего две песни «Энеиды» нерифмованным пятистопным ямбом, – только впоследствии белый стих станет, по наблюдению авторов, «основной поэтической формой в трагедиях Марло и Шекспира» [28, с. 37]. Сходство сюжетных линий шекспировского «Ричарда II» и марловского «Эдуарда II» – отказ развратного короля от короны и его гибель – было объяснено не влиянием Марло на Шекспира, а близостью судеб исторических лиц [см.: 2, с. 52].

Посвящая анализу творчества Марло отдельный небольшой раздел, Г.В. Аникин

и Н.П. Михальская называли его автором «выдающихся реалистических трагедий» [2, с. 41]. Говоря о «Тамерлане Великом», ученые трактовали авторский замысел как толкование реальной исторической фигуры «в духе ренессансных представлений о свободе и необходимости» [2, с. 41], создание характера сильной титанической личности, раскрытие ее человеческой доблести и индивидуалистического своеволия. Отмечая сложность и противоречивость характера главного героя трагедии, с одной стороны – бесстрашного и мужественного, непобедимого в бою, наделенного возвышенной любовью к Зенократе, преклоняющегося перед красотой, преданного своим соратникам, неутомимого в наказании коварных земных властителей, осмеливающегося бросить вызов небесам, обладающего большими знаниями в фортификации и в сфере государственного управления, но с другой – одержимого фанатическим стремлением к власти, беспощадно уничтожающего население на захваченных территориях, ведущего нескончаемые кровопролитные войны, убивающего собственного сына Халифа, объявляющего себя богом, – Г.В. Аникин и Н.П. Михальская подводят к мысли об итоговом осуждении автором Тамерлана как жестокого завоевателя, деспота, кровавого тирана.

Главный герой «Трагической истории доктора Фауста» в восприятии Г.В. Аникина и Н.П. Михальской оказывался ученым, ищущим «новых способов познания тайн мироздания и новых средств достижения могущества» [2, с. 42], стремящимся обрести новые способности, ради которых возможен даже союз с силами тьмы. В образе Фауста исследователи усматривали стремление Марло возвеличить «силу разума человека незнатного происхождения, силу знания, хотя знание нужно Фаусту для достижения богатства и славы» [2, с. 42]. Осознавая неизбежность, неотвратимость гибели, марловский Фауст обращался к силам природы с исполненным высокого пафоса монологом, призывал их сделать невозможное – «изменить неотвратимый ход времени» [2, с. 43]. Мефистофель, противопоставлявший мечтам Фауста «трезвую правду жестокой реальности», представал, по мнению Г.В. Аникина и Н.П. Михальской, «не как исчадие ада, а как падший ангел, с сочувствием относившийся к Фаусту, которому уготована сходная судьба» [2, с. 42]. В появлении аллегорических фигур Семи смертных грехов (Гордости, Алчности, Ярости, Зависти, Чревоугодия, Лениности, Распутства) усматривалось влияние традиций средневекового моралите. Вместе

с тем «Трагическая история доктора Фауста» в целом характеризовалась исследователями как *философско-психологическая трагедия*, в которой стремление к неограниченной свободе вело личность к разрыву с другими людьми, одиночеству и гибели [см.: 2, с. 43].

Отмечая, что все титанические герои Марло «стремятся к власти, невзирая на религиозные догматы смирения и покорности», Г.В. Аникин и Н.П. Михальская представляли самого драматурга *гуманистом-радикалом, ученым-гуманистом*, решительно и мужественно защищавшим интересы личности, боровшимся «за торжество идеалов гуманизма», выступавшим «против феодальных установлений, религиозного мракобесия, макиавеллизма в политике» [2, с. 44]. Однако, по мнению исследователей, позиция Марло неслышима в себе и заведомо «противоречивые черты», заключавшиеся в том, что герои драматурга обнаруживали в себе «не только бунтарскую силу, волю и разум, но и патологические страсти (кровожадность Тамерлана, развращенность Эдуарда II)» [2, с. 45]. Вслед за предшественниками Г.В. Аникин и Н.П. Михальская усматривали основную заслугу Марло в придании драме черт «подлинно поэтического произведения», созданного белым стихом, «выражающим сложные переживания героев и многообразные оттенки их возвышенной, патетической речи» [2, с. 45].

Составитель рекомендательного указателя литературы «Сквозь даль веков. Из сокровищницы зарубежной поэзии» (1975) А.М. Горбунов оценивал Марло как «родоначальника английской ренессансной драмы», выступившего «против святости Библии, расценивая ее как собрание сказок» [4, с. 219]. В свете этого «Тамерлан Великий» воспринимался интерпретатором как «попытка низвержения небожителя руками <...> восточного завоевателя» [4, с. 219], возвысившегося благодаря силе ума и неукротимости энергии из безвестного скифского пастуха во владыку мира. Оценивая триумф Тамерлана как «торжество нового человека, ощутившего подвластными себе просторы жизни и осознавшего свой творческий гений», Марло, по мнению А.М. Горбунова, все же замыкал «земную цель человеческого существования <...> в крайнем индивидуализме, эгоизме», превращал героя в деспота, изувера, причем сам не видел этого до конца: «Богоборчество героя пленяет самого автора настолько, что ему не приходит в голову осудить тирана» [4, с. 220]. Сила личности, продававшей свое «загробное блаженство» во имя обрете-

ния знаний, дававших чувство безбрежной свободы и веру в свои титанические возможности, представлялась А.М. Горбунову основным мотивом «Трагической истории доктора Фауста», главный герой которой «достиг полновластья бога», но не избежал при этом печального одиночества [см.: 4, с. 220]. Отказываясь от осуждения своих переродившихся героев, Марло, по мнению А.М. Горбунова, ослаблял звучание своих основных произведений, идеи которых, впрочем, «не были похоронены историей», оказавшись подхваченными и развитыми драматургами-современниками, прежде всего Шекспиром.

В середине 1970-х гг. интересные попутные суждения о Марло высказывались и в общетеоретических трудах известных отечественных ученых. Так, в книге И.Г. Непокоевой «История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа» (1976) было отмечено, что освобождение героя от характерной для ренессансной литературы основной драматической коллизии исключительности личности и власти над ним фантастических сил, которую можно видеть в произведениях Э. Спенсера, Марло, в «Буре» Шекспира, произошло лишь в литературе XVII в. [см.: 8, с. 338]. В те же годы в статье «Память культуры» Ю.М. Лотман размышлял о Фаусте как сквозном образе разных эпох, отмечая его *инвариантность*, убеждавшую в «несовпадении Фауста немецких народных книг, Марло, Гете и Т.Манна», и *культурную активность* как «органической части синхронного культурного контекста» [6, с. 616]. В другой статье «Технический прогресс как культурологическая проблема» Ю.М. Лотман соотносил «невероятные» проекты марловского Фауста с реалиями современной драматургии действительности, свидетельствовавшими об успехах инженерной мысли и рукотворном преобразовании мира: «У Марло Фауст продает душу дьяволу, мечтая осуществить гигантские проекты: соединить Европу и Африку, перекинуть мост через океан. Но инженеры Ренессанса и в реальности осуществляли проекты, заставлявшие смотреть на них как на магов. Между 1391 и 1389 гг. был прорыт канал, соединивший Эльбу с Лауенбургом и открывший судоходство из бассейна Балтийского моря в Северное, прорываются тоннели в Альпах, отводятся реки» [7, с. 626].

Интересно отметить специфику представления о Марло, формируемого авторским коллективом многотомной «Истории всемирной литературы», подготовленной в ИМЛИ им. А.М. Горького. Академик Н.И. Балашов, акцентируя создание драма-

тургами английского Возрождения (прежде всего, Кристофером Марло и Шекспиром) «галереи персонажей, исторических, легендарных, современных, у которых необузданный индивидуализм перерастал в неслыханное злодейство», признавал, что такие образы, как Тамерлан и Варавва, «отражают и воплощают жестокость времени, злодейские умыслы, ранее недоступные средневековому «патриархальному» варварству» [3, с. 12]. Считая, что «зло первоначального накопления было в изучаемый период двойником исторического прогресса», Н.И. Балашов отмечал помноженность злодейства стяжателя или властолюбца, уверенного лишь в праве силы и не оглядывавшегося на религиозную мораль, на освобожденную индивидуальную энергию: «По отношению к таким людям художник Возрождения выступал как пророк-судия, подобно Данте, Босху, Дюреру, Микеланджело, Марло» [3, с. 12]. По мнению Н.И. Балашова, большую роль в творчестве Марло имел «трансформированный средневековый элемент», который ставил его в более выигрышное положение в сравнении с Ф. Сидни и Дж. Лилли, смело отходивших от устоявшихся традиций [см.: 3, с. 17].

Б.И. Пуришев, подготовивший для «Истории всемирной литературы» значительную часть материалов по немецкой литературе, утверждал, что творения Г.-Э. Лессинга, И.-В. Гете, М. Клингера последовали за «Трагической историей доктора Фауста» Марло, созданной на основе английского перевода немецкой народной книги, сделавшей легенду о дерзком искателе истины достоянием мировой литературы [см.: 9, с. 197]. Д.М. Урнов отмечал соавторство и дружбу Т. Нэша с Марло [см.: 20, с. 305]; в соавторском материале М.В. и Д.М. Урновых о Шекспире указывались сближавшие великого драматурга и Марло смелость мысли и широта дерзаний, вполне соответствовавшие духу времени, а также признавалась «более глубокая и конкретная жизненная диалектика» Шекспира в сравнении с марловским титанизмом [см.: 21, с. 319]. По мнению М.В. и Д.М. Урновых, успех Шекспира был отчасти обусловлен и тем обстоятельством, что он оказался современником двух поколений – Марло и Роберта Грина с одной стороны, Джона Донна и Джона Вебстера с другой – и сделал попытку «двигаться в ногу с новым этапом» [21, с. 330].

В основу наиболее существенных трактовок творчества Марло составителями «Истории всемирной литературы» были положены суждения Р.М. Самарина, к тому времени уже ушедшего из жизни. По его

мнению, Марло, формально не считающий-ся представителем «университетских умов» (Дж. Лилли, Т. Нэш, Р. Грин), но относящийся к ним по происхождению, образованию, дружбе, являл собой одного из первых английских писателей-профессионалов, внесших в драматическую литературу «сочетание образованности и одаренности» вкупе с элементом беспутства, порочности, божественности [см.: 19, с. 310]. Шекспир во многом усвоил «уроки Грина, Марло в дальнейшей обработке и в приспособлении для сцены белого стиха, в использовании мифологии, античной и отечественной истории в качестве источника для сюжетов, в умении строить диалог, выразительными поступками, речами характеризовать действующих лиц» [19, с. 311].

Марло характеризовался в «Истории всемирной литературы» как «самое значительное явление среди предшественников Шекспира», «создатель английской трагедии эпохи Возрождения» [19, с. 312]. Вслед за известностью в качестве «тонкого ученого-поэта», заслужившего авторитет во взыскательном вольнодумном кружке Уолтера Рэля, к Марло пришла слава драматурга-трагика, создавшего, по мнению Р.М. Самарина, произведения, объединенные темой *порыва и поражения держащей и незаурядной личности*, отразившей психологические коллизии позднего английского гуманизма [см.: 19, с. 312]. Тамерлан, став «бичом божьим», вместе с тем не смог достичь беспредельности возможностей, а потому «рано или поздно «фортуна» обрушит на него множество бед и среди них – страшнейшую для него беду разочарования»; завоеватель вселенной, он оказывается не в силах «завоевать сам себя, придать хаосу чувств, кипящему в его груди, ту гармонию, без которой человек не знает счастья» [19, с. 312]. В «Мальтийском еврее», «одной из самых беспробудных трагедий злодейства», хитрость и предприимчивость бессовестного интригана Вараввы оборачиваются против него же самого, делая его «жертвой затеянной им недостойной и кровавой борьбы» [19, с. 312]. В «Трагической истории доктора Фауста» исследователь усматривал конфликт между новым человеком и старым миром с его традициями и устоями, заключавшийся в отказе от «устаревшего» знания, олицетворенного в образе Вагнера, одного из «жалких схоластов», коими были наполнены королевские дворы [см.: 19, с. 312]. Однако сила, полученная Фаустом вследствие союза с дьяволом, «без подлинно великой цели <...> приобретает самодовлеющий характер и опустошает

его душу» [19, с. 312], – вновь титаническая личность оказывается бессильна перед властью Судьбы, воплощенной в данном случае в довлеющем над ней образе «нечистой силы». С одной стороны, Марло создает могучие ренессансные характеры, с другой же, по наблюдению Р.М. Самарина, – акцентирует противоречивость «одиноких мощных борцов» [19, с. 312], их надорванность и даже обреченность, причем, упиваясь последней, и сам автор подчас опускает из виду многие существенные обстоятельства, в которых действуют его титаны. Вместе с тем драматургом неизменно воссоздавалась «особая грозная атмосфера» событий, в полной мере отразившая «дыхание эпохи, ее битв, в которых кроилась карта нового мира, его дерзаний, споров, злодейств» [19, с. 313].

Характеризуя усиливший экспрессивность образов стиль Марло, Р.М. Самарин особо отмечал склонность драматурга к «резкой» гиперболе, к сложным сравнениям, его вклад в совершенствование (с опорой на систему античного латинского стиха) нерифмованного пятистопного стиха, открывшего «бесконечные вариации ритмов», позволившего «передавать сложные оттенки настроения, могучие порывы души и размышления, в которые вторгаются собственные Марло яркие описания» [19, с. 313]. Обращаясь к сложной проблеме соотношения творчества Марло и Шекспира, задаваясь традиционным вопросом о том, кем был Марло прежде всего – *предшественником или современником* гениального драматурга, Р.М. Самарин отмечал, что в данном случае следует говорить и о преемственности, и о полемике, поскольку имеет место «соприкосновение и столкновение разных эпох в литературе» [19, с. 315], передвижение между которыми осуществляется без каких-либо существенных потерь в силу развития одних и тех же принципов. Однако для Шекспира драматургия Марло и Т. Кида постепенно становилась образцом хотя и великого, но уже *устаревшего* искусства [см.: 19, с. 316].

Как видим, несмотря на то, что академическая «История всемирной литературы» готовилась большим коллективом исследователей, ее создателям удалось представить единообразное и взаимодополняющее толкование марловского творчества в статьях Н.И. Балашова, Б.И. Пуришева, М.В. и Д.М. Урновых, Р.М. Самарина. Разъяснения дискуссионных вопросов, связанных с конкретными произведениями Марло и его драматургическим наследием в целом, были даны предельно аккуратно, с учетом различных мнений и позиций.

Исследование осуществлено в рамках реализации проекта №2232 «Междисциплинарные социально-гуманитарные исследования в контексте инновационного развития и международных связей» базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ.

Список литературы

1. Аникин Г.В., Михальская Н.П. История английской литературы. – М.: Высшая школа, 1975. – 528 с.
2. Аникин Г.В., Михальская Н.П. История английской литературы. – 2-е изд., перераб. и испр. – М.: Высшая школа, 1985. – 432 с.
3. Балашов Н.И. Введение // История всемирной литературы: В 9 т. / АН СССР, Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1985. – Т. 3. – С. 7–28.
4. Горбунов А.М. Сквозь даль веков. Из сокровищницы зарубежной поэзии: Рекомендательный указатель литературы. – М.: Книга, 1975. – 384 с.
5. Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. Н.В. Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – № 3. – С. 58–60.
6. Лотман Ю.М. Память культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968 – 1992). – СПб.: Искусство-СПб., 2010. – С. 614–621.
7. Лотман Ю.М. Технический прогресс как культурологическая проблема // Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968 – 1992). – СПб.: Искусство-СПб., 2010. – С. 622–638.
8. Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. – М.: Наука, 1976. – 358 с.
9. Пуришев Б.И. Немецкая литература // История всемирной литературы: В 9 т. / АН СССР, Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1985. – Т. 3. – С. 174–201.
10. Рябова А.А., Жаткин Д.Н. Восприятие творчества Кристофера Марло в России на рубеже XIX – XX вв. (К.Д. Бальмонт, М.А. Волошин, С.С. Розанов, В.К. Мюллер) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013. – № 3. – С. 226–234.
11. Рябова А.А., Жаткин Д.Н. Осмысление творчества Кристофера Марло в литературоведческих и искусствоведческих трудах А.А. Аникста // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 6 (43). – С. 359–362.
12. Рябова А.А., Жаткин Д.Н. Очерк С.Ф.Уварова «Марло, один из предшественников Шекспира» (1859) как первый опыт литературно-критического осмысления творчества английского драматурга в России // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4. – С. 20–22.
13. Рябова А.А., Жаткин Д.Н. Творчество Кристофера Марло в литературоведческих трудах Н.И. Стороженко // Гуманитарные исследования. – 2013. – №4. – С. 79–87.
14. Рябова А.А., Жаткин Д.Н. Г.М. Козинцев о Кристофере Марло: в поисках драматического героя // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – №3. – С. 222–224.
15. Рябова А.А., Жаткин Д.Н. Осмысление личности и творчества Кристофера Марло в трудах М.М. Морозова и А.А. Смирнова // Гуманитарные исследования. – 2014. – №1. – С. 72–80.
16. Рябова А.А., Жаткин Д.Н. Осмысление художественного своеобразия драматургического творчества Кристофера Марло в литературоведческих исследованиях А.Т. Парфенова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – №1. – С. 150–161.
17. Рябова А.А., Жаткин Д.Н. Оценки творчества Кристофера Марло в переводных исследованиях, опубликованных в России в 1990-х – 2000-х гг. // Известия Сочинского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 91–98.
18. Рябова А.А., Жаткин Д.Н. Творчество Кристофера Марло в исследованиях А.К. Джигелева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – №3. – Т.1. Серия Филология. – С. 206–214.
19. Самарин Р.М. <Английская литература XVI в.> Драматургия // История всемирной литературы: В 9 т. / АН СССР, Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1985. – Т. 3. – С. 307–316.
20. Урнов Д.М. <Английская литература XVI в.> Проза // История всемирной литературы: В 9 т. / АН СССР, Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1985. – Т. 3. – С. 302–307.
21. Урнов М.В., Урнов Д.М. Шекспир // История всемирной литературы: В 9 т. / АН СССР, Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1985. – Т. 3. – С. 317–331.